

вещественных источников можно выявить наличие и время возникновения конкретных технологий, а, следовательно, изделия кустарного, полукустарного и промышленного производства могут выступать показателями технологических революций, которые сказываются на макроэкономических циклах. С учетом того, что почти любая вещь находится на пересечении утилитарно-практического назначения, индивидуального использования и общественно-политического контекста, можно отслеживать социальную стратификацию, социальные коммуникации, гендерную дифференциацию, устанавливать взаимодействие культурной традиции и кросс-культурных связей. Поскольку часто вещи становятся носителем какого-либо явного или, наоборот, сокрытого для посторонних смысла, то они превращаются в знак, символ, т. е. предстают в качестве носителя семантически наполненной информации. Это дает возможность рассматривать различные стороны духовной сферы бытия людей; ценностные ориентации отдельных индивидов, социальных групп и даже общества в целом в конкретный исторический период.

1. Авдусин, Д. А. Основы археологии / Д. А. Авдусин. – М. : Высш. шк., 1989. – 335 с.
2. Беззубова, О. В. «Визуальный поворот» в гуманитарных исследованиях и историческая наука / О. В. Беззубова // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Е. А. Воронцова ; отв. ред. А. Г. Голиков. – М. : Ин-т науч. инф. по обществ. РАН, 2019. – С. 62–72.
3. Ермаков, С. Э. Неразгаданные артефакты археологии / С. Э. Ермаков. – М. : Вече, 2018. – 336 с.
4. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М. : Наука, 1987. – 440 с.
5. Леонова, Т. А. Материальная культура Западной Европы в контексте истории повседневности Средневековья / Т. А. Леонова. – Уфа: Вагант, 2008. – 319 с.
6. Никонова, А. А. Артефакт, вещь, музейный предмет/экспонат как исторический источник: тревога смысла / А. А. Никонова // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки.
7. Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР : Курс источниковедения истории СССР. (Учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов). – Т. 1 : С древнейших времен до конца XVII в. – М. : Соцгиз, 1940. – 256 с.
8. Усачев, Е. В. Донные клейма на гильзах от патронов к стрелковому оружию как источник информации для изучения Тобольско-Петропавловской операции (август-октябрь 1919 года) / Е. В. Усачев, А. Е. Усачев // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. – С. 416–421.
9. Шелегина, О. Н. Вещественные источники по этнокультурному наследию Сибири: исследовательские и социокультурные практики / О. Н. Шелегина // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Е. А. Воронцова ; отв. ред. Д. М. Бондаренко, Д. Н. Маслюженко. – М. : [б. и.], 2020.
10. Шапова, Ю. Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей : учебное пособие / Ю. Л. Шапова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 144 с.

Румянцева М.Ф.

ВЕЩНЫЙ ПОВОРОТ В КОНТЕКСТАХ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

По сути, для гуманитарных наук вещи стали неосозаемыми тогда же, когда они стали «объективными» для точных.
Бруно Латур (1947–2022), французский социолог науки [5, с. 184]

Вещный поворот. Историки и, в первую очередь, социологи заметили, что на протяжении 1990-х годов происходит **вещный (вещественный) поворот** в гуманитарном и социальном познании. Польская исследовательница Э. Доманска в обзорной статье о вещном повороте, констатируя «возвращение к вещам», «поворот к материальному» и «не-человекам», утверждает: «...вещи <...> должны быть включены в историю уже не только как пассивные реципиенты человеческих действий» [2, с. 249]. Не имея возможности в рамках доклада проанализировать разные подходы к причинам и сути вещного поворота, сделаю лишь несколько кратких вводных замечаний.

Обратим внимание на то, что вещный поворот синхронизирован, во-первых, с переходом от третьего поколения Школы «Анналов» с его характерной для постмодерна микроисторией, фактором расцвета которой стал кризис исторического метанарратива (Ж.-Ф. Лиотар), к четвертому поколению Школы, с которым, – при всем его методологическом плюрализме и разнообразии проблематики, – связано восстановление историчности, в первую очередь, через концепцию «мест памяти» (П. Нора), что впоследствии не могло не повлиять на процесс ренарративизации, определяющий современную историческую культуру [см., напр.: 7, с. 170–254].

Вторая реперная точка, относящаяся к тому же 1989 году, – выход в журнале *The National Interest* пресловутой статьи Ф. Фукуямы «Конец истории?» [12]. Не вступая в дискуссию о ценности этого опуса, не могу не отметить его значимость как маркера новой социокультурной ситуации, впрочем, начавшей сразу же меняться, – знаком этих изменений стали события 4 июня 1989 года.

Оба названные фактора теснейшим образом взаимосвязаны (хотя и с некоторым смещением по хронологии): «конец истории» как процесса не мог не сопровождаться кризисом нарратива как хронологически организованного рассказа, презентующего исторический процесс как в целом (т.н. всеобщая история), так и в субъектных его составляющих (национально-государственный нарратив).

Исторический тип культуры, как в свое время точно заметил Ю.М. Лотман [6], казуальный по содержанию и письменный по механизму фиксации. Именно этим обусловлено подавляющее преобладание письменных исторических источников в историческом познании. И эта ситуация начинает, очень медленно, преодолеваться в конце XX века, когда происходят визуальный и вещный повороты.

В настоящем докладе я предлагаю вариант (несомненно, дискуссионный) соотнесения вещного поворота с «традиционным» источниковедением и с наиболее актуальной в настоящее время составляющей исторического знания – глобальной историей: с одной стороны, констатирую, несовместимость источниковедческой парадигмы истории как строгой науки и остающейся по преимуществу нарративной глобальной истории, а, с другой стороны, предполагаю необходимость источниковедения в его расширенном за пределы письменных исторических источников новом состоянии для построения неевропоцентричной глобальной истории.

Вещь vs объект. Принципиально важно обратить внимание на различие *вещи* и *объекта*. Вероятно, этого можно было бы и не делать – в силу очевидности их различия для профессионального историка, но в философской литературе наличествуют разнообразные подходы и оппонирующие друг другу констатации [см. напр.: 9]. Поэтому, не вдаваясь в «философские» подробности, акцентирую внимание на том, что под *объектом* традиционно понимается то, на что направлено познание, независимо от его природы (это может быть естественнонаучный, то есть собственно природный объект, это может быть исторический источник, то есть произведение человека / продукт культуры, это может быть внутренний мир человека); *вещь* же – это всегда произведение человека, создаваемое с той или иной целью / для выполнения той или иной функции, а если это природный объект, то он становится вещью тогда, когда человек придает ему определенную функцию / наделяет его ценностью. Таким образом, вещь – это всегда объект, но объект – не всегда вещь.

Таким образом, вещь принадлежит к историческим источникам – «реализованным продуктам человеческой психики...» (как определял исторический источник А.С. Лаппо-Данилевский еще в начале XX в. [4, т. 2, с. 38]) / «объективированным результатам творческой активности человека / продуктам культуры...» (современное определение [10, с. 205]. На мой, – отнюдь не философский, – взгляд, если читать философскую и социологическую литературу с определенного, источниковедческого, ракурса, то мы не найдем существенных противоречий с заявленным выше подходом. Например, Э. Доманска пишет: «Вещи (остатки прошлого, памятные вещи) могут помочь нам понять, кто мы; вещи становятся “другими” для человеческих существ; вещь участвует в создании человеческой идентичности, ее легитимации, и представляет собой ее гарант; она также фиксирует изменения в человеческой идентичности. На коллективном уровне вещи помогают установить и укрепить межличностные отношения, связывая людей...» [2, с. 249–250]. И подытоживает: «...дискурс в защиту вещей (и не-человеков в целом) – это в конце концов дискурс в защиту людей. Вещи становятся экзистенциальными, стабильными маркерами, которые помогают нестабильным людям ориентироваться в мире» [2, с. 264].

Интерпретируя вещный поворот в контексте источниковедения, мы можем утверждать, что он означает лишь расширение источниковой базы, причем преимущественно в источниковедческих практиках, поскольку теория источниковедения и так включает вещи в корпус исторических источников. Конечно, это утверждение не может не вызвать возражения, но еще раз подчеркну: во-первых, в докладе я не ставлю цели рассмотреть разные подходы к вещному повороту; во-вторых, специально выделяю именно источниковедческий аспект.

И, соответственно, следующий вопрос – это вопрос в том, что подвигло историков на обращение к визуальным и вещественным историческим источникам, в то время как они на протяжении нескольких веков удовлетворялись письменными историческими источниками?

Источниковедение и глобальная история. В попытках ответить на выше сформулированный вопрос оставим за пределами рассмотрения те изменения в культуре, которые делают ее по преимуществу визуальной, заставляя получать гораздо больше, чем в предшествующие эпохи, информации из изображений, а не текстов... – это отдельная тема. Обратимся только к одной, но весьма актуальной проблеме – глобальной истории, которую часто связывают с актуальным трендом преодоления европоцентризма [см. напр.: 10, с. 80].

Я неоднократно – в разных контекстах, – приводила размышления О.М. Медушевой о противоборстве двух «парадигм» – парадигмы истории как строгой науки и нарративной логики историописания в историческом познании конца 2000-х годов [8, с. 15–16]. Оттолкнемся от них и здесь.

Существуют разные подходы к построению глобальной истории. Например, С. Конрад, автор обобщающей работы «Что такое глобальная история?» (2016), констатируя отсутствие единых подходов к построению глобальной истории, утверждает; «Глобальная история занимается прежде всего мобильностью и обменом, процессами, преодолевающими разграничения и границы. Взаимосвязанный мир для нее – отправная точка, а главные ее темы – обращение и обмен вещей, людей,

идей и институций» [3, с. 22]. Авторы фундаментального труда «Всемирная история» (2011–2018), подготовленного Институтом всеобщей истории РАН, считают: «Главное состоит в том, что “глобальная история” стала неким новым подтверждением “всемирности” исторического процесса, его целостности и в какой-то мере универсальности, получив тем самым новый стимул и легитимность в изучении его проблематики». При этом: «Понятие “глобальной истории” лишь указывает на взаимосвязь континентов, регионов и государств в разные исторические эпохи, на общие процессы и схожие фазы развития» [1, т. 1, с. 6]. Но смею утверждать (не настаивая, естественно, на своей правоте, а исключительно стремясь спровоцировать дискуссию), что разнообразные проекты глобальной истории нарративны по построению и европоцентричны по сути.

На мой взгляд, методами «традиционной» исторической науки, которая, как уже было подчеркнуто выше, традиционно основывалась на письменных исторических источниках, преодолеть европоцентризм теоретически невозможно потому, что именно европейский (западный) тип культуры – исторический по существу (в обоснование этого утверждения можно привести не только размышления Ю.М. Лотмана, которые уже упоминались, но и концепции исторического процесса Э. Гуссерля и К. Ясперса, П. Нора и П. Хаттона, и др.).

В таком случае есть смысл поставить два вопроса. А надо ли преодолевать европоцентризм? И если все-таки надо, то как это сделать?

Столкновение цивилизаций vs конец истории. Хорошо известно, что провокативная статья Ф. Фукуямы вызвала не только неприятие /критику/дискуссию, но и противодействие в виде концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, который в 1993 г. в *Foreign Affairs* опубликовал статью с соответствующим названием (в ответ на книгу Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек». 1992), а в 1996 г. развернул свою концепцию в книгу «Столкновение цивилизаций» (*The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*) [13].

Вряд ли сейчас у кого-то есть основания, да и желание следовать Фукуяме – утверждать, что западная либеральная модель победила как модель, ей не осталось альтернатив и дальше речь идет лишь о ее утверждении во всем мире. Впрочем, по моим поверхностным наблюдениям, таких людей все-таки еще немало, даже среди «квалифицированных» историков. Но сейчас, в 2023 году, по моему глубочайшему убеждению, такая позиция находится уже не только за пределами исторической науки, но и требует обращения к специалистам иного профиля. Хотя именно модель «конца истории» Фукуямы позволила бы продолжать строить историю как нарратив и преимущественно на основе письменных исторических источников. Если же мы примем очевидно гораздо более адекватную концепцию столкновения цивилизаций, то вынуждены признать, что ее реализация в исследовательских практиках исторической науки требует новые подходы и расширение источниковой базы. Еще А. Тойнби, утверждая «национализм», наряду с «индустриализмом», в качестве основания исторической науки XIX века, отмечал, что западные историки тяготеют к националистической точке зрения, кроме прочего, еще и потому, что «исходный материал являл собой некую устойчивую национальную данность», имея в виду национальные комплексы письменных исторических источников [11, с. 19]. Очевидно, вещественные исторические источники более универсальны, чем письменные. И их необходимо вводить в научный оборот, разрабатывая для них схемы классификации и соответствующие методы исследования, что даст возможность более широкого применения метода компаративного источниковедения в построении глобальной истории [10, с. 226].

1. Всемирная история : в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. – М. : Наука, 2011–2018.
2. Доманска, Э. Возвращение к вещам / Э. Доманска // Социология власти. – 2015. – Т. 27. – № 1. – С. 248–266.
3. Конрад, С. Что такое глобальная история? / С. Конрад. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 330 с.
4. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : в 2 т. / А. С. Лаппо-Данилевский. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
5. Брюно Латур // Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 169–198.
6. Лотман, Ю. М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера / Ю. М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 344–356.
7. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
8. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – Москва : РГУ, 2008. – 358 с.
9. Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 392 с.
10. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аквилон, 2016. – 543 с.
11. Тойнби, А. Дж. Постижение истории : сборник : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. – Москва : Прогресс, 1991. – 731 с.
12. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
13. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2003. – 603, [5] с.